

будет любить, потому что он действительно любит людей. Я сейчас честно говорю, я не дошла еще до того, я их не люблю, но я их терплю, я делаю добро, потому что я это должна делать.

Если вы помните, в «Молчащем» есть замечательные строки: «... Поле человеческой души посеяно добрами, семенами божественными». Помните, да? Я начала сеять поле человеческой души, но поняла, что напрасно трачу свою энергию, я напрасно кладу туда семена, семена, грубо говоря, вечности. Теперь я буду работать с душами детей. Я поняла, что души детей еще не тронуты дьяволом.

Я возвращаюсь к вашему первому вопросу, вы его задали. Вечны ли мы? Надежда умирает последней, но, может быть, надежда это то, что не умирает никогда. Вечная спутница вечных скитаний. Вечность — безбрежный океан, в котором каждый из нас плывет, выплывет — не выплывет. Тщетны надежды, но среди бесконечных волн — желанный берег. И каждое неверное движение грозит гибелью.

Я не все, конечно, сказала. Я из вечности, я и в вечности. Я живу совсем в другом времени. Для меня нет времени как какого-то отрезка. Я вот приглашаю в эту вечность, это мое самое жгучее желание. Помните, в «Молчащем» есть: «... не творить — нет хуже наказания, не любить — нет горестней участи».

2006

АННА
МАРКОВНА
КОРОКОТИНА,
ИРИНА
АНАТОЛЬЕВНА
ПОЛОВОДОВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОЛЕ РЕГИОНА (А. ОМЕЛЬЧУК — ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК)

В статье впервые предпринимается попытка выделить особенности творческого подхода в оценке национальных литературных явлений одного из заметных критиков региона Анатолия Константиновича Омельчука, вот уже около 30 лет поддерживающего интерес к писателям Тюменского Севера.

Внимание науки к явлению регионализма имеет длительную историю. Особенности регионализма выявлялись в процессе решения экономических, социальных, политических, культурологических и других проблем. Поэтому размышления о регионализме есть в исторических, географических, этнографических и иных работах.

Литературный регионализм как теоретическая проблема активно осмыслялся в России с конца XIX в. в работах известных авторов Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, Н. И. Наумова, Ф. Н. Усова и др. В 20-е гг. свой вклад вносит Н. К. Пиксанов, подчеркивая значение «областной» культуры и литературы. Его призыв к изучению «областных культурных гнезд» поддержали многие ученые, хотя относились к идее Н. Пиксанова по-разному (например, И. М. Гревс, признававший влияние культурных течений провинции на столицу [Гревс 1926: 502], П. Н. Сакулин, который видел в областной культуре только «преломление общерусской культуры в местных условиях» [Сакулин 1925: 40] и др.).

Активные дискуссии 20-х гг. по-своему продолжают в последней трети XX в. Среди спорных, в частности в отношении к литературе, долгое время остаются

вопросы: соотношение понятий областная, региональная, краеведческая; областная и общегосударственная и т. п.

Не случайно при решении проблем регионализма было обращено внимание на особенное положение Сибири. Уже в конце 20-х гг. был поставлен вопрос о существовании особой сибирской, в отличие от общенациональной, литературной традиции и проявилось стремление установить ее место «в общей эволюции русской литературы» [Жеребцов 1928: 23]. Понятие «литература сибирская» пытался обосновать М. Азадовский в Сибирской советской энциклопедии (1932). Он предлагал учитывать особенности «местного литературного движения» и его выход в «общерусскую художественную литературу», хотя не признавал определение «сибирская областная литература», защищавшееся, например, Н. Ф. Чужаком.

С 50-х гг. активизировался процесс изучения сибирской литературы как регионального явления в работах В. П. Трушкина, Ю. С. Постнова, Л. П. Якимовой, Б. А. Чмыхало и др.

Тюменская область как культурное пространство стала предметом исследовательского внимания в последние десятилетия минувшего века. Проводились научные конференции («Региональная культура», 2003; «Региональные культурные ландшафты: история и современность», 2004). Тюменским научным центром СО РАН создан информационно-аналитический Интернет-проект «Культура и искусство Тюменской области», публикуются статьи, хрестоматии, монографии.

В 1988 г. при Тюменской областной организации СП РФ была создана секция литературной критики. Развитию региональной литературно-критической мысли способствует выход журнала «Сибирское богатство», альманаха «Врата Сибири», газеты «Тюмень литературная».

Сегодня признано, что тюменская литература, воспринимаемая как «уникальный идейно-эстетический феномен» [Лагунова, Рогачев, Эртнер 1992: 65], заслуживает специального анализа. Региональная литературная критика помогает осуществить это восприятие и сама становится важной составляющей культурной жизни региона. Сегодня уже можно называть имена критиков, активно зарекомендовавших себя вдумчивым, неравнодушным, творческим отношением к культуре, литературе края, особенно к писателям малочисленных народов Тюменского Севера. Это К. Я. Лагунов, Л. В. Полонский, В. А. Рогачев. Их традиции сегодня находят своих продолжателей.

С полным основанием особое место среди них можно отвести Анатолию Константиновичу Омельчуку, журналисту, писателю, критику, культурологу в самом широком смысле этого слова. А «литературное поле генетически вырастает из культурного поля» [Рыженков 2000: 259]. В Тюменской области, как и в других, «литературные поля» являются «автономными частями социального пространства регионов и общерусского литературного поля» [Рыженков 2000: 261].

Б. Ф. Егоров назвал среди лучших традиций русской литературной критики ее стремление к «анализу нравственно-философского содержания творчества, жизненно-социологических его истоков, художественно-эстетического своеобразия» [Егоров 1980: 174]. Именно такой подход осуществляет А. Омельчук, обращаясь к творчеству тюменских писателей-северян. Его привлекает широкий круг имен: Еремей Айпин, Огдо Аксенова, Юрий Вэлла, Баир Дугаров, Леонид Лапцуй, Анна Неркаги и др. Он работает в разных жанрах — рецензия, очерк, статья, портрет, интервью.

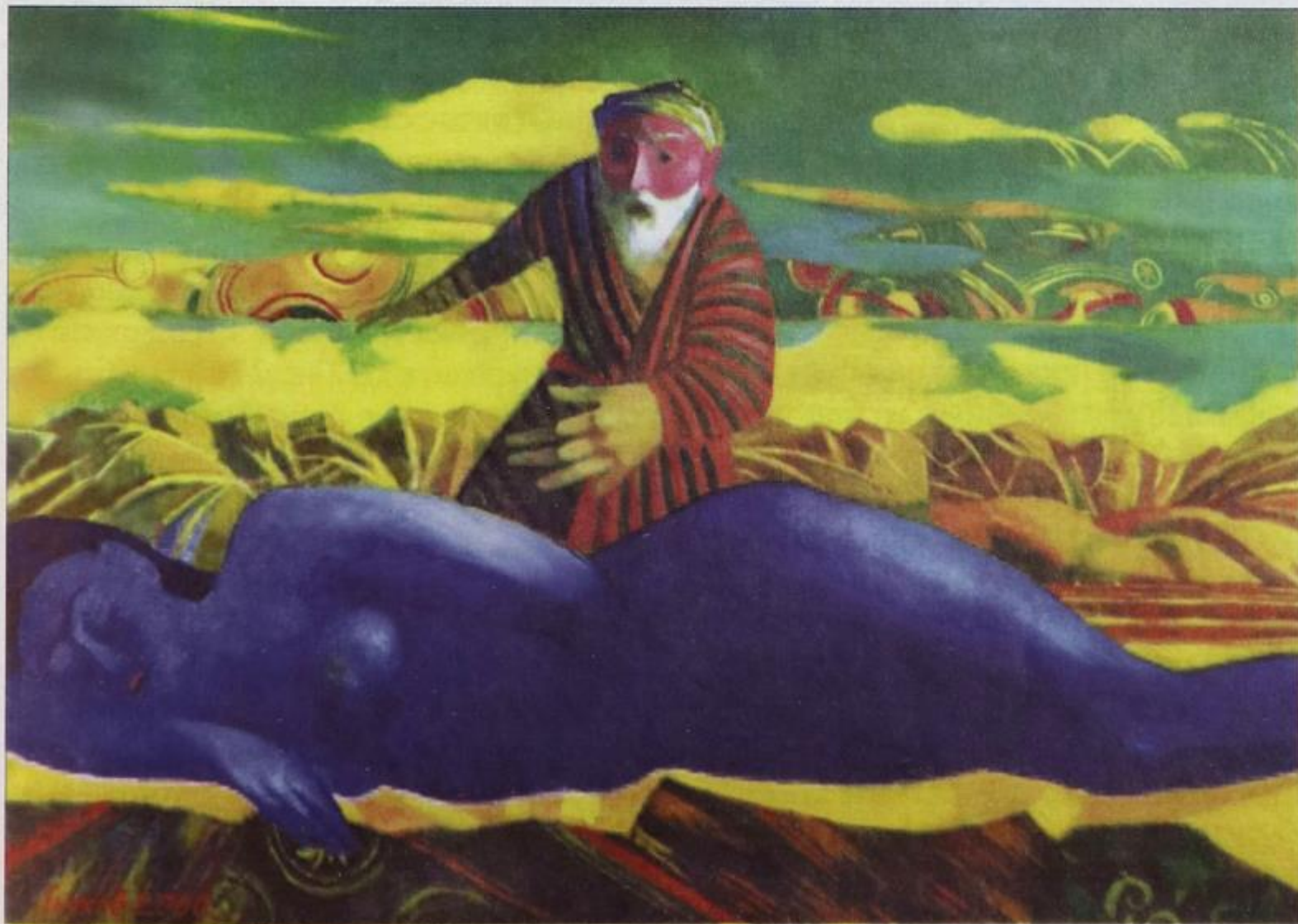
В подходе к литературам младописьменных народов А. Омельчук четко определил свою принципиальную позицию: никаких скидок «на молодость», на «первый шаг». Уровень развития этих литератур требует уважительного, взыскательного анализа [Омельчук 1977в: 275]. Одной из самых важных для критика остается проблема национальной самобытности, истоков творчества, связи писателя со

своим народом. «...Что можно сказать о поэте, не рассказав о его народе? Что можно сказать о поэте, не рассказав о поэзии его народа?» [Омельчук 1972: 3]. Возможно, не состоялся бы хантыйский писатель Роман Ругин без таких предшественников, как Г. Лазарев, П. Салтыков, М. Шульгин, В. Волдин.

Неиссякаемым источником творчества для каждого автора остается «любовь к родной земле». «Есть немало слов, чтобы выразить любовь к родному краю, но вот такие мог найти только северный поэт: «Снега мои, о вас душой болею, В разлуке вас люблю издалека, И мнится, кто-то острием хорея Покалывает сердце мне слегка» [Омельчук 1978: 93]. Это о Р. Ругине. То же чувство вызывает поэзия Л. Лапцуня, любовно описывающего приметы народного быта: «...нарта, лайка, стойбища, туча над чумами, тюлени на «пляже песчаном у Обской губы» и, разумеется, олени...» [Омельчук 1980: 112].

О неразрывной связи поэта со своим народом говорит творчество Ю. Вэллы. «Юрий Вэлла — пянхасаво. Пянхасаво — это народ. Его народ. Наверное, самый небольшой народ в России. <...> Его участь — голос народа. Участь. Судьба. Судьбу не выбирают. Как родину. И родной народ. Кто бы помнил о затерянном в лесотундровых топях его племени, если бы не он...?» [Омельчук 2004: 129]. «Талантливый писатель, — по убеждению критика, — это всегда голос народа». Эту мысль он подтверждает, обращаясь к творчеству долганского поэта Огдо Аксеновой. В ее стихах «сопрягается воедино и суровое бытие маленького арктического племени, и счастливая судьба народа, обретшего свой голос» [Омельчук 2006а: 168, 169]. Голоса «сойотских предков» он слышит в поэзии Баира Дугарова, неразрывная связь со своим народом определила судьбу А. Неркаги. Наверное, это одно из основных качеств, определяющих типологическую общность писателей-северян.

Важным истоком для их произведений стало устное творчество их народов. Например, у А. Неркаги критик отмечает влияние ненецкого фольклора. «Вся система символов возвращена на почве устного народного творчества. ...Присущая фоль-

В. Глухов. ЗУЛЬФИЯ

клору гиперболизация героев, метафоричность стиля и тот социальный фон, который выбрала писательница, дают неожиданный эффект, придают объемность повествованию» [Омельчук 1981: 168].

Ту же особенность он увидел в поэзии Л. Лапцуя, для которого тесная связь с национальным народным творчеством стала частью мировосприятия. «Фантастический мир народных героев был его реальным миром». Не учитывая это, нельзя понять самобытность Л. Лапцуя как национального художника [Омельчук 1983: 98].

Много внимания уделяет А. Омельчук мастерству писателей-северян. Он подчеркивает заслугу Е. Айпина, который «первым в хантыйской литературе освоил жанр повести» [Омельчук 1981: 168]. Критик гордится хантыйским писателем Р. Ругиным, сумевшим подняться до создания произведения большого эпического жанра — романа [Омельчук 1977а: 3]. В поэмах Л. Лапцуя увидена безусловная близость народным балладам. В то же время в них много былинного, что заставляет читателя «проникнуться всей глубиной образного мышления, приобщиться к народному разуму» [Омельчук 1983: 99]. В поэмах Л. Лапцуя «Тер», «Из рода Тохэ» критик увидел эпическое начало, соглашаясь с автором, назвавшем свои произведения «поэтической летописью».

Одной из трудных задач для всех писателей Севера была задача найти соответствующую форму оригинальному содержанию. Особенно это проявлялось на начальном этапе творчества. Так, например, А. Омельчук отмечал, говоря о Л. Лапцуе: «...поэт иногда слишком торопится поспеть за бегущим днем, и тогда подлинная эпичность, в целом присущая поэту, ускользает, уступая место публицистической скороговорке» [Омельчук 1972: 3]. При безусловной тесной связи со своим народом Р. Ругину не всегда удается передать все жизненные перипетии. «Казалось бы, знакомый материал, он должен ложиться на бумагу легко и просто», но писателю трудно воссоздать его в новых жанрах [Омельчук 1972: 3]. «Художественным просчетом» представляется критику противопоставление жизни «горячего города» миру обитателей тундрового стойбища в повести «Анико из рода Ного». Ему кажутся недостаточно убедительными размышления А. Неркаги о том, как происходило вхождение в цивилизацию «девочки из стойбища». «Что было найдено и что потеряно в этом процессе, как распадалась связь с родным стойбищем и как укреплялся в ее душе «город», побеждала тяга к знаниям, к новому делу? На эти вопросы, к сожалению, автор не дает ответа» [Омельчук 1977б: 4].

В то же время критик внимательно прослеживает творческую эволюцию писателей региона. Говоря о Л. Лапцуе, он заключает, что от книги к книге растет его мастерство, «ярче и своеобразнее становится рисунок его стихов. Видимо, поэту под силу уже новые поэтические горизонты...» [Омельчук 1977в: 276]. Опубликованные произведения того или иного автора могут быть не лишены недостатков, но книга Л. Лапцуя «Радуга жизни» — «свидетельство зрелости поэта, мужания его таланта, зоркости его взгляда, обращенного вперед» [Омельчук 1980а: 114]. И позже будет отмечено усложнение восприятия мира, аналитичность поэтического письма, возникновение новых мотивов, свидетельствующих о новых этапах развития художественной мысли Л. Лапцуя.

Внимание к писательскому росту можно увидеть в названиях работ, посвященных творчеству А. Неркаги: «Зрелость дебюта» (1977), «Следующий шаг» (1981). Уже в первой повести писательницы А. Омельчук обозначает «новый этап в развитии ненецкой литературы», проявившийся в «новизне и остроте конфликта, психологической углубленности образов, ... движении к душе человека» [Омельчук 1977б: 3]. «Следующий шаг» А. Неркаги, ее повесть «Илир» (1979), заинтересовывает «неожиданностью темы» — жизнь ненцев-оленоводов в первые послереволюционные годы, — темы «нетрадиционной не только для ненецкой, но и

для русской литературы». Поражает и художественный уровень решения нетрадиционных проблем. «Писательницу интересует не быт сам по себе, сколь бы колоритен он ни был, а эпоха — как наиболее яркий проявитель заложенного в человеческих характерах большого Добра и большого Зла» [Омельчук 1981: 166]. Еще не раз, до 2006 г., будет возвращаться А. Омельчук к творческой судьбе, творческой личности А. Неркаги, одного из «настоящих, честных мастеров», вызывающих восторженное уважение.

А. Омельчук-критик размышляет о национальной специфике творчества писателей Тюменского Севера, об отражении в их произведениях взаимодействия северных народов и русского. Его интересует гражданская позиция авторов, к которым он обращается. Она проявляется в их внимании к актуальным, насущным, часто болезненным проблемам, связанным с жизнью и судьбой народов, которые они представляют. Например, «проблема рыбацкой вахты в Обской губе», разрушающая социальные, семейные, родовые связи; «проблема смены поколений в оленеводстве», когда теряется «престиж исконной профессии»; проблема обучения в школах-интернатах детей, оторванных от семей, и т. д.

А. Омельчук-критик в своих статьях выражает активное, заинтересованное, личностное отношение к тому, о чем пишет. Например, в статье «Седьмой поцелуй»: «Юрий Вэлла защищает себя. Борется за себя. Его не интересуют мотивы тех, с кем он борется. Он не понимает и не принимает благородных аргументов тех, кто ему противостоит. Противостоят. Он знает, что, борясь за себя, он борется за вечность своего небольшого народа» [Омельчук 2004: 130].

Для А. Омельчука-критика характерно внимание к биографии писателей, к значительным событиям в их жизни. Он соотносит их с художественными произведениями, писательскими судьбами. Часто в критических работах возникает яркий образ того, о ком пишет критик, становясь при этом писателем. Художественная образность — отличительная особенность литературно-критических суждений А. Омельчука, позволяющая говорить о нем, может быть, больше как о писателе-критике, чем о критике профессиональном. Например, в очерке о жизни и творчестве А. Неркаги читаем: «Есть у нее еще один друг в чуме — письменный столик. Неказистый, на низеньких ножках, с невеликой столешницей. <...> Усаживается за столик — и время ее священо. Даже если не пишется, за столиком посидеть необходимо. Можно поссориться с Сашей, обидеться на свекровку, рассердиться на себя, зато «этот друг» утешит и ободрит. Стол — свидетель ее творческих взлетов и падений, он мирно путешествует с ней по предгорным тундрам Приполярного Урала. Есть ли еще где-нибудь писательница, создающая свои книги в извечном жилище тундровиков — чуме? Есть ли еще такой стол в тундре, за которым на древних языках Севера рождаются вдохновенные строки?» [Омельчук 1986: 18].

Обогащенный опытом двадцатилетней жизни на Ямале, А. Омельчук создает в критической статье свой образ северной природы: «Она насылает «черные пурги», разливаает реки, устраивает ловушки болотами, налетает тучами комаров и оводов. И вместе с тем реки и тайга полны рыбы и пушного зверя, а тундра дарит северянину надежного друга — оленя» [Омельчук 1977в: 276].

Философичность образной системы писателей-северян вдохновляет и критика на философские раздумья. В названии статьи о Ю. Вэлле «Седьмой поцелуй» уже заключен философский подтекст. Осмысляя роль Вэллы-поэта в жизни ненецкого народа, автор размышляет: «Он — олень. Жертвенный олень. Каждый поэт — жертва. Человечество отдает богам своих поэтов. Время его еще не настало. Но поэт приходит в этот мир ради жертвы» [Омельчук 2004: 130].

Частное во многом определяет общее. Внимание к малой родине северных писателей помогает критику увидеть национальное как часть общечеловеческо-

го. В книге очерков «Манящий свет звезды Полярной» он пишет: «Горизонт детской родины всегда невелик, но в нем есть все, чтобы понять необъятность земли». Так, законы творчества подчиняются закону личности, внутренним ценностям художника: «Нет главнее закона, чем закон личности: не изменяя себе, мы не изменим человечеству» [Омельчук 1993: 128].

А. Омельчук-критик учитывает мнения и других авторов, вступая в диалог не только с писателями, о которых пишет, но и с теми, кто говорит о них (Е. И. Убрятова, В. М. Неделеяев, Н. Грудинина и др.).

А. Омельчук интересуется творчеством писателей Тюменского Севера уже более 30 лет. Созданные им работы приближают художников других культур, других народов широкому читателю в регионе, помогают понять их самобытность, почерпнуть их мудрость, задуматься над насущными проблемами бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Омельчук А. Живая вода творчества // Красный Север. 1972. 19 декабря. С. 3.
- Омельчук А. Солнце над снегами // Тюменский комсомолец. 1977а. 2 ноября. С. 3.
- Омельчук А. Зрелось дебюта // Красный Север. 1977б. 27 декабря. С. 3-4.
- Омельчук А. «О, как тундра прекрасна» // Дружба народов. 1977в. № 10. С. 275-276.
- Омельчук А. Признание в любви // Полярная Звезда. 1978. № 1. С. 93-95.
- Омельчук А. Вехи времени // Полярная Звезда. 1980а. № 2. С. 112-114.
- Омельчук А. Преодоление материала // Полярная Звезда. 1980б. № 1. С. 114-116.
- Омельчук А. Следующий шаг // Нева. 1981а. № 9. С. 166-168.
- Омельчук А. Орлы возвращают счастье // Красный Север. 1981б. 23 мая. С. 3.
- Омельчук А. Тугого времени струна // Полярная звезда. 1983. № 3. С. 96-102.
- Омельчук А. Маленького добра она не признает // Северные просторы. 1986. № 1. С. 18-19.
- Омельчук А. Манящий свет звезды Полярной. Екатеринбург, 1993.
- Омельчук А. Седьмой поцелуй // Омельчук А. Нежный Север. Тюмень, 2004. С. 128-130.
- Омельчук А. «Лед океанский и говор долганский» // Омельчук А. Манящий свет. Тюмень, 2006а. С. 164-173.
- Омельчук А. Связь времен // Омельчук А. Манящий свет. Тюмень, 2006б. С. 210-218.
- Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. III. № 4. С. 487-508.
- Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980.
- Жеребцов Б. О сибирской литературной традиции. Наблюдения и заметки // Сибирский литературно-краеведческий сборник. Вып. 1. Иркутск, 1928. С. 23-50.
- Лагунова О. К., Рогачев В. А., Эртнер Е. Н. Социокультурные противоречия литературного взаимодействия на Тюменском Севере // Материалы II междунар. конф. «Роль полярных университетов в развитии северных территорий». Тюмень; Лэйкхед, 1992. С. 64-67.
- Рыженков С. Литературный регионализм: путь Саратова // НЛО. 2000. № 5 (45).
- Сакулин П. Н. Синтетическое построение литературы. М., 1925.